кою честию". Здесь-то на пиру у „дядий" Скопин, по сообщению летописи, и был отравлен женой Дмитрия Шуйского. Как видим, во Псков пришли слухи об отравлении, но без тех подробностей, которые согласно приводят „Писание о преставлении" и устная песня: пир происходит прямо у Шуйских, а не у Воротынского, он не связывается с крестинами, жена Шуйского — не кума Скопина, нет ни слова о матери воеводы, о погребении его в Архангельском соборе. Но и Псковская летопись рассказала о всеобщем горе: „мнози же народи, вернии и невернии", „плакахуся его смирения и любве, и милости к малым и великим".[1] Отравлением сразу объяснили смерть Скопина и устные песни, такую версию с полным доверием к ней повторил и автор повести „Писание о преставлении", несомненно опиравшийся в своем рассказе на сложившуюся уже историческую песню.

Лиро-эпические песни в разных слоях общества отметили смерть Скопина-Шуйского. Записанный в 1619 году для Ричарда Джемса текст передает резко различное отношение, с одной стороны, „гостей москвичей", с другой — „князей-бояр" к вести о том, что „не стало у нас воеводы, Васильевича князя Михаила". Первые оплакивают воеводу, освободившего уже ряд русских городов, и, видимо, не доверяя тем, кто сменит Скопина, предаются мрачным мыслям: „а тепере наши головы загибли". „Князи-бояре", наоборот, „усмехнулися: высоко сокол поднялся и о сыру матеру землю ушибся", т. е. порадовались смерти быстро возвысившегося молодого воеводы. Само собой разумеется, что авторов такой песни не приходится искать в массе трудового народа: песня сложена, по убедительному предположению В. В. Данилова,[2] после 16 июля 1611 года, когда Новгород был занят войсками Делагарди („побежали немцы в Новгород и в Новегороде заперлися и многой мир-народ погубили"), а власть в Москве перешла к „семи боярщине", возглавлявшейся Мстиславским и Воротынским („а съезжалися князи-бояря супротиво к ним, Мьстиславской княз, Воротынской"). Об отравлении воеводы эта песня не упоминает, но описание злорадства князей-бояр подчеркивает, что песня сложена во враждебной им среде, скорее всего — в торговом посаде.

Обширная историческая песня (старшая запись которой находится в Сборнике Кирши Данилова) последовательно описала основные факты воинской биографии Скопина-Шуйского, сохранив ее историческую основу, но разработав ее эпическими приемами: трудное положение Русского государства, по которому снуют отряды захватчиков („а нелзя ни протти, ни проехати ни конному, ни пешему, и из силна царства московскова и великова государства росискова"); переговоры из Новгорода о помощи со „свицким королем Карлусом" (с Карлом IX шведским), обещание дать за помощь „три города руския" (ср. в договоре „город Корелье с уезды"); эпическое число шведских воинов — „сорок тысячей" (в действительности — 12 000 человек); успешные действия войск Скопина („он очистел царство московское и велико государьство росиское"); торжество в Москве по случаю приезда Скопина и пир, на котором ему „велику славу до веку поют" (все исторические свидетельства описывают эти торжества); наконец, описание крестильного пира у князя Воротынского, где Скопин — крестный отец сына Воротынского, а кума его — дочь „Малюты Скурлатова", по одному из вариантов, „князя Дмитрия Петровича Шустова

[1] Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 125.

[2] Сборники песен XVII ст. Труды Отдела древнерусской литературы, т. II, 1935, стр. 170—172.